

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Селина Дмитрия Вадимовича «Эпоха финальной бронзы в правобережном Прииртышье (восточный вариант пахомовской культуры)», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.06 – археология

За последние десятилетия сформирована значительная источниковая база по эпохе бронзы Западной Сибири, которая позволяет подойти к решению многих проблем, связанных с генезисом и взаимодействием культур, а также изучением среды обитания и систем жизнеобеспечения их носителей. Исследованию одного из таких культурных образований – восточного варианта пахомовской культуры, локализованного в пределах правобережной части Прииртышья, посвящена настоящая работа. Пахомовский тип и пахомовско-ордынский пласт памятников, расположенных на территории от Притоболья до Приобья, занимающих «промежуточное положение между комплексами андроновской культурно-исторической общности и памятниками зама-раевско-ирменского историко-культурного пласта», выделила О.Н. Корочкова во второй половине 1980-х годов [1987]. С этого времени начинается планомерное накопление пахомовских материалов и периодически предпринимаются попытки их осмысления. За последние 15 лет обозначенной тематике в пределах Тоболо-Иртышского региона в разной степени ее полноты было посвящено четыре исследования [Полеводов, 2003; Корочкова, 2010; Костомаров, 2010; Ткачев, 2017]. В работах А.В. Полеводова, О.Н. Корочковой, В.М. Костомарова и А.А. Ткачева сформулированы концепции развития культуры в основном на материалах поселенческих комплексов. С начала 1980-х гг. происходит накопление данных по погребальным памятникам, отличающимся от ирменских, и на территории правобережного Прииртышья (Барабинская лесостепь). Наиболее представительным по праву может считаться курганный могильник Старый Сад, комплекс которого наряду с другими памятниками Барабинской лесостепи позволил рассматривать пахомовские материалы в этой части правобережья Иртыша в рамках особого, во-

сточного варианта культуры [Молодин, 2010]. Всесторонний анализ материалов показал своеобразие культуры, антропологии и генетики пахомовской популяции на фоне автохтонного для Барабы ирменско-позднеирменского населения [Молодин и др., 2013].

Тем не менее, по указанной теме остается множество дискуссионных вопросов, связанных с появлением, развитием пахомовских комплексов в Барабе и их хронологией. Эти вопросы, а также существование альтернативных точек зрения на материалы, в частности, могильника Старый Сад делают необходимым и актуальным обращение к ранее исследованным и новым источникам с целью реконструкции культурно-исторической ситуации в правобережной части Прииртышья и подтверждение сформированной на этих материалах общей концепции культуры.

В своем исследовании Д.В. Селин на основе применения как археологических, так и естественно-научных методов, в частности технико-технологического анализа керамики пахомовской культуры и ее восточного варианта по единой методике, разработки классификационных схем организации сакрального пространства, анализа поселенческого и погребального инвентаря защищает несколько положений. Восточный вариант пахомовской культуры – особое образование, сложившееся на основе культуры пахомовских мигрантов из Тоболо-Иртышского региона и их взаимодействия в Барабе с носителями бегазы-дандыбаевских, ирменских, позднеирменских, сузгунских комплексов. В формировании восточного варианта не принимало участие еловское и карасукское население, а сходство некоторых элементов их материальной культуры связано с общеэпохальными явлениями. Восточный вариант культуры предлагается датировать в пределах XIV–VIII вв. до н.э. с выделением двух этапов – ранним (XIV–X вв. до н.э.) и поздним (X–VIII вв. до н.э.) (с. 11, 12).

Работа состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованных источников и литературы, списка сокращений и двух приложений. Структура диссертации продиктована логикой исследования и обоснования

выдвинутых положений, ряд которых ранее уже рассматривался исследователями.

Автор кратко, но достаточно полно рассматривает основные этапы истории изучения пахомовской культуры начиная с открытия андроновских позднебронзовых культур до настоящего времени. Раскрываются взгляды исследователей, в разные годы занимавшихся пахомовской проблематикой, на происхождение, развитие и взаимодействие, периодизацию и хронологию культуры. Отмечаются дискуссионные моменты, касающиеся обсуждения культурной принадлежности и хронологии культуры, в частности, по материалам могильника Старый Сад. В историографическом разделе обращают на себя внимание некоторые неточности: так, неожиданным для нас стало утверждение, что происхождение пахомовской культуры В.В. Илюшина и В.А. Зах видят во взаимодействии «населения андроновской и коптяковской культур» (с. 22), что, конечно, не соответствует действительности.

Количество памятников с материалами восточного варианта пахомовской культуры невелико. Автор рассматривает семь поселений, на трех из которых (Ложка 6, Прорва, Алексеевка 21) пахомовский керамический комплекс доминирует, а на остальных присутствует среди различных типов позднебронзовой посуды (с. 46), и шесть могильников с разным числом захоронений рассматриваемого времени, а также культовый комплекс Тартас 1. В общей сложности автором проведен анализ формовочных масс около 400 образцов поселенческой посуды, более 50 целых сосудов (без учета утерянных) из могильников, происходящих из более чем 90 погребальных сооружений и 90 захоронений. Исследования керамического теста показали, что гончары, изготавливавшие посуду, найденную на поселениях, применяли в основном тесто из ожелезненных суглинков с добавкой шамота (100%), и, как правило, органического раствора или навоза в единичных случаях – дресвы или песка (с. 33–45). Керамическое тесто посуды из погребальных комплексов имеет аналогичный состав: запесоченная глина с включениями железняка, слюды, добавками шамота (100%), выжимками из навоза, а в единичных случаях от-

мечена дресва и песок (с. 67, 97, 105, 109). Несколько большая доля дресвы (15,5%), представленной гранитом и кальцитом, причем в трех случаях без шамота, зафиксирована в 23 из 148 образцов керамики культового комплекса Тартас 1 (с. 119, 120). Наряду с подробными характеристиками посуды в результате технико-технологического, морфологического и типологического анализа в диссертации содержатся обстоятельные описания и классификация погребальных сооружений, инвентаря поселений, могильников и культового комплекса. Несомненное достоинство и новизна работы заключаются во введении в научный оборот всей полноты материалов восточного варианта культуры.

Рассматривая культурную принадлежность материалов эпохи бронзы Барабы, Д.В. Селин соглашается с выводом В.И. Молодина [2010], который определяет их как самостоятельное образование – восточный вариант пахомовской культуры. Ее носители появляются в Барабе в результате оттока части пахомовского населения с территории Тоболо-Иртышья и сосуществуют с автохтонными для Барабы ирменско-позднерменскими коллективами. Исследуя хронологическую позицию комплексов, Д.В. Селин выделяет два периода их существования: ранний – в рамках XIV–X вв. до н.э. и поздний – X–VIII вв. до н.э., когда комплексы приобретают черты культуры переходного от бронзы к раннему железному веку времени. Пахомовские материалы первого этапа синхронизируются с ранними ирменскими Чичи 1, бытование которых определяется серией радиоуглеродных дат [Молодин и др., 2009, с. 66], второй этап датируется по бронзовым изделиям из могильников: это бляшки со шпеньком, шилья, булава с ажурным навершием и половинка стремечковидных удил, находящих аналоги в комплексах переходного от бронзы к железу времени. По костям погребенных из могильника Старый Сад получено пять радиоуглеродных дат, хронологический диапазон которых охватывает XX–XV вв. до н. э., что, по мнению автора, противоречит датировкам вещевого комплекса могильника (с. 165). Правда, три даты по костям из захоронений могильника Гришкина Заимка укладываются в пределы

XVII–XIII вв. до н.э. С учетом данных по Старому Саду пять дат из восьми попадают в этот период (прил., с. 262). Все вышеприведенное показывает, насколько сложно, даже при наличии радиоуглеродных дат, решать вопросы периодизации и хронологии. Все бронзовые изделия, аналоги которым известны в поздних комплексах, кроме стремечковидных удилов, имеют свои прототипы в более ранних материалах эпохи бронзы. Половинка стремечковидных удилов, найденная в яме с фрагментом челюсти лошади, под насыпью кургана эпохи бронзы, расположенного рядом с современными разрушениями, севернее саргатской группы курганов, к сожалению, не является, на наш взгляд, бесспорным доказательством принадлежности курганного комплекса к переходному времени от бронзы к раннему железу.

Бесспорно, диссертация Д.В. Селина является законченной работой, с развернутой аргументацией положений, представленных к защите. Данные и выводы, полученные при анализе керамических материалов и подкурганного пространства, вносят серьезный вклад в дальнейшее изучение комплексов эпохи бронзы, и в частности пахомовской культуры.

Тем не менее есть вопросы, на наш взгляд, недостаточно проработанные автором, но очень важные и непосредственно касаются восточного варианта пахомовской культуры. К сожалению, Д.В. Селин не рассматривает причины миграции части пахомовских коллективов на восток; он констатирует переселение как бесспорный факт, опираясь только на сходство в рецептах формовочных масс и орнаментах пахомовского населения из Барабы и Тоболо-Иртышья. Важным является и вопрос сосуществования пахомовского и ирменского скотоводческого населения практически в пределах одного ареала в Барабинской лесостепи. Интересна историческая судьба населения восточного варианта пахомовской культуры: в переходное время от бронзы к раннему железу носители рассматриваемого культурного образования должны были ощутить влияние таежных мигрантов и красноозерского населения. Однако на материалах погребальных комплексов могильника Старый Сад, в частности, таежных орнаментальных традиций, как, например, на Чиче 1,

находящейся юго-восточнее, не отмечается. Эти вопросы и вопрос о корректности радиоуглеродных дат могильников Гришкина Заимка и Старый Сад возникают из-за практически полного отсутствия исследованных поселенческих комплексов федоровской культуры в Барабе, за исключением Каргата 6, материалы которого не учтены в работе, хотя принято считать, что пахомовская культура формируется на федоровской основе.

Версия генезиса, периодизации и хронологии комплексов восточного варианта пахомовской культуры, изложенная Д.В. Селиным, основана на систематизации материалов в территориальном и временном планах, с учетом связей с синхронными автохтонными ирменскими, южными бегазыдандыбаевскими, сузгунскими и прочими комплексами с южно-таежных и лесостепных территорий Барабы. Как долго вариант развития восточного варианта культуры, предложенный автором, будет сохранять свою актуальность, зависит, на наш взгляд, от накопления материалов как федоровских, так и пахомовских поселенческих комплексов, которые могут внести существенные изменения в представления о культурно-хронологическом положении постфедоровских древностей в Барабе. Однако в настоящее время это самая полная, упорядоченная схема развития пахомовской культуры в рассматриваемом регионе.

Все перечисленные замечания, которые имеют в основном дискуссионный характер, не снижают качества исследования. Использование автором различных методов обработки материала, стремление найти новые подходы к изучению источников делают рассматриваемую работу во многом новаторской. Оценивая диссертацию Д.В. Селина в целом, необходимо отметить соответствие ее содержания основной поставленной цели и задачам. Работа включает список архивных данных и научной литературы, которая использовалась при ее написании (около 250 наименований). Диссертация снабжена приложением из таблиц с различной информацией по теме исследования и альбомом рисунков материалов поселенческих и погребальных комплексов. Основные результаты диссертации нашли отражение более чем в 20 научных

